

Сентиментальный роман

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Super Romance

*Каждому
нужна мечта*

Марго Эрли

Чего не сделаешь
ради любви

Марго Эрли

Чего не сделаешь ради любви

«Центрполиграф»

Эрли М.

Чего не сделаешь ради любви / М. Эрли — «Центрполиграф»,

Что, если приворотные зелья действительно работают? Журналистка Мэри Энн Дрю, отчаявшись добиться внимания своего шефа Джонатана Хейла, ухватила за призрачный шанс и купила любовное снадобье. К ужасу Мэри Энн, произошло непоправимое: зелье выпил другой мужчина! Ее коллега по радиоэфиру психолог Грэхем Корбет, прежде вечно отпускающий колкости в адрес Мэри Энн, опустошив бокал со снадобьем, вдруг стал мил и приветлив. Странно, но теперь он был не так уж неприятен ей. Неужели зелье и вправду подействовало? Или любовь скрывается там, где ее меньше всего ожидают найти?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марго Эрли

Чего не сделаешь ради любви

Глава 1

Логан, Западная Вирджиния

Мэри Энн Дрю сидела за своим рабочим столом в объединенной редакции газет «Логан стандарт» и «Шахтер», когда Камерон принесла новости. Камерон, которая была двоюродной сестрой и ближайшей подругой Мэри Энн, схватила стул и, оседлав его, повернулась лицом к Мэри Энн.

– Они решили пожениться!

Мэри Энн не потребовалось спрашивать: «Кто?» Она только с мольбой выговорила:

– Не может быть!

Камерон, по лицу которой было видно, что она сознает, какую боль причинила, продолжала дальше:

– Правда-правда! Вчера вечером Анджи с подружками пила мартини в «Мордашке», а Ронда как раз их обслуживала. Она-то мне и рассказала новость. Правда, пока обошлись без колечка.

Это никак не могло быть правдой, в чем Мэри Энн несколько раз уверила себя, чтобы немного успокоиться. Уже много лет она любила Джонатана Хейла, еще с той поры, как он приехал в Логан из Цинциннати, чтобы руководить муниципальным радио. Прежде она не испытывала ничего подобного. Сначала высокий, темноволосый молодой человек в очках в проволочной оправе, с суховатыми манерами не произвел на нее особенного впечатления. Потом она узнала, что он долго работал за рубежом в качестве военного корреспондента агентства Рейтер, что ему приходилось видеть страшные картины в зоне боевых действий, однако увиденного он ни с кем не обсуждал. Однажды, когда она пришла записывать на радио свой очерк, он сидел в сторонке и сосредоточенно наблюдал за ней, а потом сказал:

– Неплохая работа, Мэри Энн. Попробую договориться, чтобы ваш очерк передали и другие радиостанции.

Она посмотрела в его голубые глаза, и словно стрела пронзила ей сердце. До сих пор Мэри Энн не понимала, откуда взялся этот образ крылатого Эроса с луком и стрелами, однако в ее случае стрела сына Афродиты буквально сразила ее. Впечатление было настолько сильным, что не оставалось сомнений – Джонатан Хейл предназначен ей судьбой.

Она и сейчас в это верила.

– Как ты, нормально? – спросила Камерон.

– Конечно.

Но разумеется, она выпала из состояния нормы. Она просто погибала! Мэри Энн не была уверена, что протянет еще хотя бы пять минут, не то что сможет жить дальше, зная, что *ее Джонатан* хочет жениться на этой липучке, на этом вульгарном ничтожестве Анджи Уокман, владелице «Цветущей розы», магазинчика, который находится по соседству с «Логан».

Спеша доказать, что услышанная новость ничего для нее не значит, Мэри Энн спросила:

– Ты разве сегодня не работаешь?

Камерон возглавляла в Логане Центр помощи женщинам, находившийся за соседней с редакцией дверью.

– Вышла на минутку выпить кофе. Сейчас пришла мать одной клиентки и заявила, что сама она выходила замуж на всю жизнь и ей стыдно, что ее единственная дочь хочет развестись с мужем, хотя знает, что на прошлой неделе тот сломал своей жене три лицевые кости!

Дама назвала меня и нашего юриста отпетыми мужененавистницами. Мне просто необходимо остыть... – Камерон снова переключилась на заботы Мэри Энн. – У меня родилась первоклассная идея. Стоит попробовать, хотя бы шутки ради. Не факт, что она сработает. Но если сработает, будет забавно.

Мэри Энн взглянула на кухню. Камерон, как и сама Мэри Энн, была блондинкой – ну, во всяком случае, до некоторой степени блондинкой. Волосы у обеих девушек были светло-каштановые, казавшиеся на солнце еще светлее. Но на этом сходство заканчивалось.

Камерон, к зависти Мэри Энн, обладала стройной фигурой. Гены даровали ей мальчишески узкие бедра и грудь, на которую заглядывались мужчины. Еще она была прирожденной спортсменкой, никогда не садилась за руль автомашины, если можно было пройти пешком, пробежаться или проехаться на велосипеде. Она имела черный пояс по тхеквондо и увлекалась спелеологией.

Мэри Энн же сознавала, что ее тыльная сторона только выиграла бы, не сиди она столько за столом или за рулем.

Камерон была ростом пять футов пять дюймов, а Мэри Энн – пять футов десять дюймов.

Еще Мэри Энн питала слабость к модной красивой одежде – ведь до того, как обосноваться в Логане, она работала в Нью-Йорке в двух женских журналах и могла поклясться, что продемонстрированное фильмом «Дьявол носит Прада» – чистая правда.

А Камерон одевалась на распродажах и в магазинах эконом-класса.

Мэри Энн активно пользовалась косметикой, а для Камерон это не имело значения. Мэри Энн была редактором и корреспондентом «Логан стандарт» и «Шахтера», Камерон, как уже упоминалось, отдавала все силы защите и борьбе за благополучие женщин и детей.

Будучи такой, какая она есть, Камерон предъявляла к каждому встречному мужчине ряд требований. Мэри Энн была благодарна кухне за то, что она помогала ей завоевать Джонатана Хейла. Джонатан *почти* удовлетворял непременным условиям, необходимым, по мнению Камерон, для будущего мужа. Он имел работу, не был алкоголиком, но сестры сомневались, что Джонатан когда-либо посещал психотерапевта, что, по убеждению Камерон, требовалось всем мужчинам. Сама Камерон искала мужчину, который не стремится непременно иметь собственное потомство, а готов был усыновить ребенка.

«На свете столько несчастных детей, которые уже родились и которым нужен хороший дом», – говорила она.

Правда заключалась в том, что Камерон была свидетелем, как мучительно рожала ее родная сестра. Дело закончилось кесаревым сечением, после чего Камерон заявила Мэри Энн: «Чтобы я тоже? Никогда в жизни!»

Мэри Энн нравилась мысль о том, чтобы иметь детей. Она их даже страстно желала. И это придавало ее мечтам о Джонатане оттенок отчаяния.

– Ну и что это за идея такая? – спросила она.

Карие глаза Камерон повлажнели, стали почти черными.

– Любовное снадобье! Приворотное зелье.

В этой идее была вся Камерон. Можно было бы предположить, что женщина, которая наслушалась жутких историй о домашней тираннии, насилии и повседневных бытовых дрязгах, навсегда, до последней капли, изгнала из себя романтику. Сама Камерон утверждала, что так и есть. Однако дело обстояло иначе. И, впадая в романтические настроения, Камерон не знала удержу...

На осенней ярмарке предсказательница напроорочила Камерон, что та выйдет замуж за темноволосого мужчину с карими глазами, а астролог сказала, что девушка соединится с избранником «нетипичным путем».

Были еще «письма счастья»: «Вы встретите истинную любовь в течение пяти дней, если отправите это письмо пятерым адресатам. Не прерывайте цепочку!»

В своих эксцентричных затеях Камерон не забывала и о Мэри Энн.

Мэри Энн попробовала возразить кузине, вооружась здоровым скептицизмом:

– Положим, даже если такие штуки и помогают – но где их взять?

– У матери Пола, – не задумываясь ответила Камерон. – Она акушерка – принимает роды на дому.

Пол заменял Камерон бойфренда и по статусу скорее был ближе к собаке, которую тоже держала Камерон. Пол Курье был ее другом детства, категорически не приемлющим никаких обязательств – хотя Мэри Энн и отмечала, что он *темноволосый мужчина с карими глазами*! Поскольку Камерон находила изъяны в каждом встречном мужчине, она и Пол договорились создавать на людях впечатление, что они – любовники. Тогда Камерон не придется отбрыкиваться от мужчин, никогда не посещающих психотерапевта, которого Пол, кстати сказать, тоже не посещал. А Полу не придется прятаться от женщин, стремящихся выйти за него замуж и нарожать ему детей.

Мэри Энн никогда не понимала смысла этой договоренности, тем более что Полу, который по выходным выступал на вечеринках, играя на гитаре и распевая баллады, приводившие в состояние любовного томления каждую услышавшую его женщину, очень даже нравилось, что в него влюбляются. Однажды Мэри Энн спросила кузину:

– Ты к нему что – совсем равнодушна?

– Я равнодушна ко всем мужчинам, – ответила Камерон, – кроме *Бога*.

Она говорила об очень личном. По мнению Мэри Энн, мужчина, которого подразумевала Камерон, ни в малейшей степени не был божеством. И мысли в его голове определенно не были в том идеальном порядке, на который рассчитывала Камерон.

– Значит, мать Пола готовит приворотное зелье? – уточнила Мэри Энн.

– Да! Разве ты забыла? По радио как-то еще передавали интервью с ней.

Мэри Энн не помнила такого интервью. Она ответила:

– Нет. – Но имела в виду не то, что не помнит, а то, что не готова испробовать на себе подобную глупость.

Камерон пожала плечами:

– Решать тебе, конечно. По-моему, быть одной совершенно нормально, но ты – другое дело. И тебе этот парень уже давно нравится, хотя с ним ты наверняка была бы несчастна.

Последнее замечание Мэри Энн решительно отвергла. Она знала, что Камерон не находила в Джонатане Хейле ничего особенного, но ее возмущало предположение Камерон, что в нем есть скрытая червоточина.

Сейчас Мэри Энн только покачала головой:

– Мне нужно работать.

Камерон встала и закинула за спину свои длинные волосы.

– Пойду на шахту. Если зайдешь на радио, передай от меня привет *ему*.

– Я не разговариваю с этим типом без крайней нужды.

Когда Камерон ушла, Мэри Энн заперлась в своем кабинете и попыталась сосредоточиться на заметке о праздничном чаепитии по поводу сбора урожая. Текст необходимо было отредактировать да еще до десяти доделать светскую хронику. Должность девушки называлась помощник главного редактора, и на практике это означало, что она занималась всем понемногу. Мэри Энн вела разделы науки и искусства, а также освещала последние новости и события.

Итак: «Барбара Роллинз, президент общества Престола Храма Святого Луки, собственноручно приготовила большой бисквитный торт...»

Но праздничное чаепитие никак не могло затмить катастрофу, которой являлась помолвка Джонатана Хейла. Джонатан всегда был неизменно вежлив с Мэри Энн, но реши-

тельно не замечал ее как женщину. Это могло иметь только одно объяснение – его сердце занято. Так и оказалось.

Может, Камерон права? Стоит взять и попробовать последнее отчаянное средство – пока еще не поздно. Но любовное снадобье не подействует! Мэри Энн вспомнила то интервью с Кларой Курье, хотя Камерон и ошиблась насчет темы. Тема была – «Поставщики натуральных сельскохозяйственных продуктов». Мэри Энн слышала, как Джонатан Хейл ответил решительным возражением на вопрос Грэхема Корбета, несносного ведущего ток-шоу на логанском радио, который верил, что именно он прославил Логан в Западной Вирджинии. Джонатан сказал тогда:

– Она не заговаривала о приворотном зелье, а я не спрашивал.

Приворотное зелье – что за бредовая идея! Мэри Энн поймала себя на мысли, что ищет предлог, чтобы заглянуть на радио. *Они на самом деле помолвлены?* Может быть, это только пустые слухи? Она еще минуту раздумывала, потом встала с кресла, надела серый пиджак, повесила на плечо сумочку на длинном ремешке. Торопливо проходя мимо кабинета главного редактора, она приветственно взмахнула рукой, радуясь, что он как раз в этот момент говорит по телефону и не может спросить ее, куда это она отправилась. Не нужно придумывать митинг общества «Дочери американской революции...».

Она сбегала вниз по ступенькам кирпичного здания и вышла на улицу. В воздухе чувствовалось приближение осени, пахло увяданием, дул резкий ветер. Ушла летняя жара, от которой липнут к голове волосы...

Мэри Энн подошла к бордюру, посмотрела направо – налево, пропустила одиночный грузовик и перебежала Главную улицу перед несущимся на нее потоком машин. Миновала автомат с содовой и вошла в кирпичное здание старой постройки, Посольский дом, где и размещалось муниципальное радио.

«Только бы это оказалось неправдой», – думала Мэри Энн. Может быть, информация, услышанная Камерон, вовсе не соответствует действительности?

Когда Мэри Энн подошла к стеклянной двери радиостанции, какой-то мужчина распахнул ее перед ней изнутри.

Мэри Энн испытала острый приступ неприязни, который, как она надеялась, не отразился на лице.

Этот молодой человек был ростом шесть футов, а его каштановые с золотистыми проблисками волосы волной поднимались надо лбом и спускались ниже воротничка. Люди часто принимали его за актера Джона Корбета, но Грэхем Корбет даже не приходился ему родственником. Д-р Г. Корбет. Доктор философии, не медицины. Мэри Энн знала, что он два раза в неделю консультирует клиентов, но считала, что приставка «д-р» перед фамилией – всего лишь дань склонности порисоваться. Если бы он узнал, что Камерон именует его божеством, он воздвиг бы храм в свою честь.

– О! – сказал он. – К нам явилась дама, чья задница просто создана для радио.

Мэри Энн, помедлив, улыбнулась ему ядовито-сладкой улыбкой.

– А мне казалось, что самая выдающаяся задница на радио – это вы.

– Мой ангел, – проворковал он, – так как идут дела у нашего бывшего редактора модных журналов и нынешнего кусачего комментатора местных демонстраций мод?

– Я жду не дождусь, когда кто-нибудь напишет вашу скандальную биографию, – парировала она.

Ответу не хватало остроты ее предыдущей реплики. Мэри Энн слишком хорошо знала, что с Грэхемом Корбетом лучше не затевать разговоров. Как она могла забыть, что передача у него именно сегодня, а он, пунктуальный, как «ролекс», обычно является за полчаса до начала. Не дожидаясь ответной реплики, она прошла мимо него в помещение студии. Сквозь стеклянное окно кабинки звукозаписи она увидела Джонатана, который брал интервью у шахтера,

больного пневмокониозом и силикозом. Она еще вчера слышала, как Джонатан говорил об этом материале. Джонатан являлся директором радио, но Логан, пусть и главный город округа, был совсем небольшим, да Мэри Энн и представить не могла, чтобы Джонатан захотел совсем отказаться от репортерской работы.

Его глаза лишь на мгновение задержались на ней, когда она проходила мимо, а она ответила коротким кивком и прошла дальше к компьютерному терминалу с архивами. Совсем не потому, что ей что-то там понадобилось, просто это был наилучший предлог для ее появления здесь.

– Чему мы обязаны этим визитом?

О боже, Грэхем Корбет идет за ней по пятам!

Мэри Энн ответила:

– Разве вам здесь некому больше отравлять день?

– Абсолютно некому! У меня есть кое-какие новости для редактора светской хроники «Логан стандарт». Журнал «Новая Англия» назвал меня одним из самых завидных холостяков страны, а «Нация» включила меня в число пятидесяти наиболее красивых людей мира.

– Им понадобится целый разворот для вашей физиономии. Оставьте меня, пожалуйста. – Не глядя на него, она принялась искать что-нибудь о праздновании в округе окончания сбора урожая. Разумеется, она не надеялась найти ничего особенного, но это не имело значения. Грэхем Корбет нагнулся к самому ее уху и сказал драматическим шепотом:

– Они обручились.

Рядом с компьютером стоял чей-то недопитый кофе в бумажном стаканчике, только и ожидая, чтобы подвернуться под руку. Мэри Энн нервно дернулась и смахнула его со стола, но Грэхем успел подхватить стаканчик.

Мэри Энн наконец-то посмотрела на него. Он подмигнул, оскалил зубы в усмешке, которую Камерон называла «его неотразимая улыбка», и убрался наконец, по пути бросив стаканчик в корзину для мусора.

Мэри Энн не стала провожать его взглядом. Она рассудила, что если бы он знал ее тайну, то не стал бы пытаться произвести на нее впечатление, упомянув о себе как о самом желанном холостяке, если, конечно, добивался именно этого. Мэри Энн питала отвращение к знаменитостям, считала, что для журналиста недостойно стремиться к дешевой популярности. Никому не удастся прославиться и одновременно сохранить достоинство. И Грэхем Корбет, по ее мнению, не был исключением. Он и правда становился знаменитым, и люди узнавали его голос, как узнавали голос Гаррисона Кейлора, а почитателей у него насчитывалось побольше, чем у доктора Лаури. Его уже несколько раз приглашали на телевизионные ток-шоу.

Мэри Энн кинула взгляд в сторону кабинки звукозаписи, увидела сочувственное лицо Джонатана, спрашивающего о чем-то шахтера. Вот совсем другой тип журналиста. Джонатан никогда не станет знаменитостью, даже если получит Пулицеровскую премию. Помимо собственной персоны его интересуют и другие люди, и мир вокруг.

Она никак не могла взять в толк, что такого Камерон нашла в Грэхеме Корбете. Но Джонатан... Черт побери, конечно, никакое приворотное зелье здесь не подействует!

Но если попробовать просто на всякий случай, эксперимента ради?..

Она встала из-за компьютера, через стекло кабинки на одно короткое электризирующее мгновение поймала взгляд Джонатана и, выходя из студии, сунула руку в карман за мобильником – позвонить Камерон.

Камерон была погружена в работу в своем центре. Вызывала водопроводчика, чтобы починить трубы в общежитии. Сочиняла объявление в газету, приглашающее волонтеров для работы в службе поддержки. Камерон и сама дежурила на телефоне. Она знала, что умеет дать добрый совет женщинам, попавшим в беду, убеждала их воспользоваться помощью центра.

Всякий раз, когда женщина решалась уйти от мужа или сожителя, Камерон сопереживала так, словно сама подверглась плохому обращению. Муж одной из женщин сломал машину, чтобы не дать жене уехать от него. Любовник другой, полицейский, грозился застрелиться из служебного револьвера на глазах у своей подруги и ее трехлетнего ребенка. Иногда звонили мужчины, угрожали ей, прочим сотрудникам центра, своим бывшим супругам и любовницам, бежавшим женам, волонтерам.

Камерон думала, что Грэхем Корбет стал бы для нее идеальным партнером. Во время своих радио-шоу он казался добрым и мудрым, давал разумные советы. Камерон решительно не могла представить, чтобы он превратился в деспота, собственника. И еще он очень хорош собой...

Камерон подозревала, что Грэхем интересуется Мэри Энн. Она чувствовала, что между ними пробегают какие-то токи. Вот только чувствует ли их сама Мэри Энн? Впрочем, она сосредоточена на своем Джонатане. Кроме того, ее отец – известный актер, музыкант, чью жизнь всюю смакуют таблоиды, популярная фигура. Мэри Энн все это претит, она никогда не увлечется мужчиной, который живет и работает под пристальным вниманием публики.

Мысль о любовном снадобье казалась пустой забавой. Но в глубине души Камерон очень хотела, чтобы у Мэри Энн все получилось с Джонатаном, просто потому, что сама она мечтала получить шанс поближе познакомиться с Грэхемом Корбетом, который все-таки явно предпочитал ей кухню...

Нет, видно, ей лучше забыть эту радиозвезду.

Зазвонил мобильный, и Камерон взглянула на экран. Мэри Энн!

Камерон с улыбкой нажала кнопку ответа, гадая – не решила ли кухня в конце концов испробовать любовное снадобье?

– Зачем ты все это хранишь? – спросил акушер Дэвид Курье свою бывшую жену.

Он спустился за ней в цокольный этаж и обнаружил там целый шкаф, заставленный пенопластовыми лоточками из-под мяса. Еще в цоколе хранились старые журналы, полная подборка ежегодника «Акушерство сегодня», масса подарочных коробочек, занимавших площадь в двадцать четыре квадратных фута, еще коробка аптечных резинок и другая – с мотками веревки. Эта женщина в своей жизни ничего никогда не выбрасывает, но все же Дэвид никак не мог представить, для чего ей понадобились лоточки.

– Нам это пригодится, если дела пойдут совсем плохо, – ответила она.

Под *делами*, насколько знал Дэвид после долгого и сложного совместного проживания с этой женщиной, подразумевалась цивилизация, как она есть. Его бывшая жена воспитала двух детей, которые теперь с тихим ужасом вспоминали о детстве, проведенном среди зловещих предсказаний женщины, которую они до сих пор почитали пророком. Хотя и научились с тех пор не обращать внимания на ее пророчества о вселенской катастрофе.

– Можно будет скрепить их изоляционной лентой и построить дом, – продолжал размышлять Дэвид над лоточками, – или даже театр.

– Не ломай себе голову. Давай перенесем все это наверх.

«Все это» относилось к двадцати с лишним коробкам, слишком тяжелым для шестидесятивосьмилетней женщины, чтобы она сама сумела втащить их вверх по ступеням. В коробках лежали телефонные справочники с 1968 по 2005 год. Дэвид подозревал, что справочники в разное время списаны и выброшены за ненадобностью почтовыми отделениями штата Западная Вирджиния.

– Я хочу поскорее доделать эту работу, – сказала Клара, имея в виду вывоз коробок, что ее бывший муж и обещал осуществить на своем пикапе. Кларе не хотелось с ними расставаться, но она понимала, что все издания журнала «Роды» уже невозможно держать наверху.

Так что журналы отправлялись вниз, а телефонные справочники съезжали совсем. – Скоро ко мне придут за приворотным средством.

Человек, плохо знающий Клару, сделал бы один из следующих выводов: первое – она заранее условилась с кем-то, желающим получить от нее снадобье, второе – ей позвонили по телефону или прислали сообщение с просьбой быть дома в конкретное время, к которому подойдет лицо, заинтересованное в любовном зелье.

Но Дэвид понял это так, что Клара просто «знает» о приходе клиента. За любовным зельем обращалось немало людей, поэтому ожидать внезапного визитера можно было со значительной долей вероятности. Если бы клиент появился в течение последующих пяти минут, Дэвид отнес бы это на счет популярности своей бывшей жены как травницы. Но их жизнь была полна таких вот примеров, когда Кларе заранее становилось известно о том, что должно случиться. Как-то в разгар рыбалки она сказала: «Бриджит поранилась. Надо немедленно возвращаться домой». Бриджит в самом деле сломала тогда руку!

У Дэвида эти прозрения вызывали только досаду, потому что она всегда ожидала от него каких-то немедленных шагов и в результате странных совпадений почти всегда оказывалась права.

Если же речь шла не о совпадениях, то наверняка существовало научное объяснение феномену, о котором ему было неизвестно. Когда он заговаривал об этом с Кларой, она отвечала рассеянно: «Ну конечно, оно существует». Сама Клара считала, что умеет предвидеть и что этому явлению есть строго научное объяснение.

Мозг Дэвида, мозг естествоиспытателя отказывался верить, что любовные зелья действуют. Конечно, это чистое шарлатанство, просто люди, влюбленные настолько, что обратились к подобному средству, часто так или иначе добиваются взаимности естественным путем. Тут действовал эффект плацебо во всех его проявлениях – самовнушение, сила позитивного мышления. Безраздельная вера способна обеспечить «успех» любому приворотному зелью.

Дэвид приподнял коробку со справочниками. На случай, если очередная жертва и правда находится на пути сюда, а за зельем, само собой, приходили преимущественно женщины, он предпочитал не встречаться с ней. Не нужно, чтобы его видели здесь. Близилась перевыборы в городской совет, и он не хотел, чтобы причастность к раздаче сомнительного снадобья подорвала его шансы. Он так и сказал бывшей супруге:

– Могла бы и обо мне подумать.

– Я и подумала, – ответила она, неправильно истолковывая его слова. – Тебе полезен физический труд.

«Давайте примем еще один звонок. До нас дозвонилась Джулия. Здравствуйте, Джулия».

Мэри Энн включила радио. Они вместе с Камерон ехали домой к Кларе Курье в Миртовую Балку за любовным снадобьем. Услышав самый ненавистный из всех голосов, она протянула было руку к выключателю.

– Не трогай! – вскричала Камерон, отталкивая ее руку.

«– Привет, Грэхем, – прозвучал смущенный девичий голосок. – Я хотела спросить про своего жениха.

– Вы помолвлены? Великолепно. Парню повезло».

– Вот лицемер, – пробормотала Мэри Энн. – Сам-то он наверняка ни разу не встречался дважды с одной и той же женщиной.

– Он ждет появления истинного чувства, – возразила Камерон, должно быть, в шутку.

«Спасибо», – ответила радиослушательница серьезно, и голосок ее звучал так трогательно, что Мэри Энн невольно стала вникать, в чем заключалась проблема юной особы, которую она рассчитывала разрешить с помощью передачи «Жизнь» с ведущим Грэхемом Корбетом. Сама про себя она называла эту программу «пожизненным приговором».

«В общем, мы помолвлены уже полгода и собираемся пожениться на Рождество, и я очень люблю моего жениха, но кое-что меня смущает. Он говорит иногда такие вещи... Я знаю, что он просто так шутит. Но мне все равно обидно. Например – что я не то чтобы сверхжирный продукт, но и далеко не обезжиренный. А когда я показывала ему свадебное платье в каталоге для новобрачных, он спросил: точно ли есть такое для крупнокалиберных дам?»

– Вот козел, – прошипела Камерон.

«Да, не слишком приятно», – отозвался Грэхем с оттенком сочувствия в голосе.

«И это говорит человек, заявивший, что моя задница создана для радио! Вот скотина».

«– Я преподаю английский в начальной школе, но мечтаю писать, и кое-что уже отсылала в издательства, но он говорит: «Те, кто может, – делают, кто не может – те учат».

– А вы говорили ему, что чувствуете при этих его словах?

– Да. Но он ответил, что я гиперчувствительная».

Грэхем многозначительно хмыкнул.

«Джулия, я хочу, чтобы вы кое-что сделали. Представьте, хорошенько представьте, что именно вы чувствуете, когда слышите от вашего жениха подобные вещи. Теперь закройте глаза. Закружи?»

Сейчас он говорил, как заботливый старший брат, – слушатели обожали эту его интонацию. Мэри Энн, зная, насколько несвойственна такая манера истинному Грэхему Корбету, начинала испытывать тошноту.

«Да», – ответила девушка, помолвленная с идиотом.

Рядом, на соседнем сиденье, зажмурила глаза Камерон.

«А теперь представьте, что всю жизнь вам предстоит провести с человеком, который заставляет вас переживать подобные чувства».

Бедняжка издала сдавленный вздох. Камерон эхом его повторила.

– Просто не верится, что ты на это можешь купиться! – отозвалась Мэри Энн.

– Тшшш!

«А теперь давайте сделаем эксперимент, – снова заговорил Грэхем. – Представьте, каково вам будет с человеком, который любит вас так сильно, что никогда не скажет ничего, что может задеть ваши чувства. С уверенным в себе человеком, которому не требуется самоутверждаться за ваш счет. Он станет говорить нечто подобное: «Я уже вижу тебя в этом платье. Ты будешь в нем потрясающей красавицей. Но для меня ты всегда самая красивая. Я очень люблю тебя! И не могу дождаться, когда ты станешь моей женой».

Мэри Энн не отличалась сентиментальностью, но сейчас должна была признать, что Грэхем совершенно прав. Умеет он найти верный путь к сердцам слушательниц. Камерон тихо вздохнула.

– Все вранье, Кам! На самом деле он вовсе не такой. Уж поверь мне.

– Тшшш! Он для меня как лекарство. Помогает не сделаться отпетой мужененавистницей.

«– Да, – выдохнула Джулия. – Я понимаю».

– Мне вы вовсе не кажется гиперчувствительной, а этот клоун, похоже, точно бесчувственный. Ему еще предстоит повзрослеть, и надеюсь, он поторопится с этим, прежде чем вы пойдете к алтарю».

– Все, аминь, – проговорила Мэри Энн. – Или ты остановишься на человеке, который говорит, что твоя задница просто создана для радио.

– Это кто так говорит? – встрепелась Камерон, поворачиваясь к ней всем корпусом.

У Мэри Энн зазвонил мобильный. Она знала, что в Миртовой Балке может не быть связи, и, притормозив у исторического моста Хенлосон, ответила:

– Мэри Энн Дрю.

– Привет, Мэри Энн, это Джонатан.

Джонатан? Зачем он звонит? Свой очередной материал она должна записывать только в будущий вторник, а сейчас четверг.

– Знаешь, мы с Анджи обручились и по этому поводу устраиваем в субботу маленькую вечеринку на студии. Я хочу быть уверен, что ты придешь. Анджи мечтает с тобой познакомиться.

Мэри Энн словно громом поразило. Услышать такое из его собственных уст! Испугавшись, что от потрясения ее сейчас затошнит, девушка с трудом выдавила:

– Это здорово. Я приду.

Она отключила мобильный, закрыла глаза и попыталась представить, как Джонатан Хейл говорит ей, что для него она всегда самая красивая. Камерон удивленно глядела на нее. Мэри Энн повторила ей то, что сейчас услышала.

– Вечеринка? – проговорила Камерон. – На вечеринках люди обычно выпивают...

Мэри Энн по ее зловещему тону быстро поняла, к чему она клонит. Она мрачно нажала на газ и устремилась к своей последней надежде, за средством, которое на самом деле конечно же бессильно было помочь.

Миртовая Балка

Дом на самом деле правильнее было назвать хижинкой. Мэри Энн подъехала к ней в тот момент, когда седовласый мужчина с бородкой грузил в пикап тяжелые картонные коробки. Он покосился на девушек в автомобиле, и она увидела, как его глаза полыхнули бирюзовым огнем.

– Это отец Пола, – пояснила Камерон. – Акушер. Кстати, живет по соседству с тобой.

– Знаю, Дэвид Курье. – Мэри Энн с неприязнью вспомнила о еще одном соседе Дэвида Курье – Грэхеме Корбете. – Член муниципального совета и, возможно, замешан в неправомерном расходовании городских средств.

– Не может такого быть, – возразила Камерон. – Они с Кларой вообще-то в разводе, но остались добрыми друзьями. Во всяком случае, он всегда помогает ей по хозяйству. У Пола, – заявила она, – сложные отношения с матерью. Ему бы не повредила консультация психотерапевта...

– Ну еще бы, – отозвалась Мэри Энн. – Ведь его мать в свободное время варит приворотное зелье.

В этот момент на крыльцо вышла босая женщина, ее все еще темные, лишь слегка подернутые сединой волосы были заплетены в длинную косу. Годы оставили на ее оливковой коже густую сеть морщин. Темные глаза почти без интереса скользнули по Мэри Энн и устремились на седовласого мужчину, строго следя за его действиями. Одета она была во фланелевую рубашку и голубые джинсы.

– Она никогда не носит обувь, разве только нужно идти куда-то, где без нее невозможно. Пола от этого коробит. А мне она нравится.

– Она знала, что мы приедем?

– Наверное, но я с ней предварительно не договаривалась, если ты это имела в виду.

Мэри Энн в нерешительности взялась за ручку дверцы. Что за идиотское предприятие она, в самом деле, затеяла?

– Дэвид, – сказала женщина, – может быть, ты узнаешь в библиотеке – не нужны ли им эти справочники?

– Зачем библиотеке справочники тридцатилетней давности? Сама бы давно пустила их на растопку.

Клара явно призадумалась над его словами. А Дэвид поспешно нырнул в кабину, очевидно испугавшись, что она потребует выгрузить назад коробки, которыми он только что до отказа набил кузов. Производительница любовных снадобий нахмурилась.

– Расточительство, – обратилась она к Камерон. – Потом, когда все пойдет прахом, люди горько пожалеют о тех вещах, которые в свое время выбросили.

– Здравствуйте, Клара, – сказала Камерон. – Это Мэри Энн Дрю. Мы к вам приехали за...

– Любовным снадобьем, – закончила за нее Клара. – Проходите в дом.

Камерон выразительно взглянула на Мэри Энн, призывая ее отдать дань прозорливости этой женщины. А Мэри Энн больше всего захотела оказаться у себя в редакции и с достоинством признать поражение.

Стены кухни в хижине были уставлены шкафчиками, забитыми банками с высушенными травами, кореньями и еще какими-то непонятными штучками.

– Чаю хотите? – предложила Клара.

– Нет-нет, спасибо, – быстро отказалась Мэри Энн, которой стало немного не по себе от перспективы принять чашку чая из рук женщины, изготавливающей любовные зелья. И вообще – не повредит ли стряпня этой особы Джонатану? А что, если он отравится?..

– А я выпью, – улыбнулась Камерон. – Крапивный у вас есть?

– Да, – одобрила Клара ее выбор.

А Мэри Энн в который раз удивилась, почему Камерон не возьмет и не выйдет за Пола – ведь он и красив, и неглуп, и вполне обеспечен: как-никак днем – смотритель и экскурсовод в заповеднике, а вечером – музыкант. Разве что Камерон никогда особенно не рвалась именно *замуж*, и, по ее словам, Пол тоже не стремится к браку, да и не настолько она его любит... Однако в атмосферу этого семейства Камерон вписывается идеально.

Сама Мэри Энн чувствовала себя здесь совсем не в своей тарелке, а именно такой, какая она есть. То есть женщиной, которая носит высокие каблуки и делает педикюр, пользуется кремом для загара, обожает ходить по магазинам, любит Нью-Йорк, не ужасается при мысли о ботоксе и отбеливании зубов, способна просмотреть подряд все серии «Секса в большом городе».

Они расселись вокруг красивого столика ручной работы на разнокалиберные стулья.

Мэри Энн пробормотала:

– Камерон, может быть, не стоит?

Камерон свирепо взглянула на нее.

– Нет так нет, – сказала Клара.

Мэри Энн моргнула. Странно, что женщина, торгующая средствами от всех болезней и невзгод, не нахваливает свой товар.

– А я уверена, что оно действует, – настаивала Камерон.

– Оно действует, – согласилась Клара. – Но, как правило, не так, как ожидают люди.

Мэри Энн была заинтригована. Хотя ей никак не верилось, что Камерон может относиться к этому серьезно.

– Что вы имеете в виду? – спросила она у Клары.

Женщина посмотрела на нее пронизывающим взглядом василиска:

– Я ничего не скрываю. Объясняю людям, как правильно воспользоваться снадобьем. Они выполняют. Тут-то и происходят самые неожиданные вещи. Вот вы, например, хотите дать средство мужчине, у которого уже есть подруга.

– Они даже уже помолвлены. – Профессиональная честность Мэри Энн не дала ей солгать. – А... откуда вы узнали?

Клара пропустила вопрос мимо ушей:

– Так вот, если он отхлебнет достаточную дозу и влюбится в вас, с той женщиной у вас могут быть проблемы. Вам надо еще раз заглянуть в свое сердце и убедиться, чего именно вы хотите. Потому что человек, однажды выпивший снадобье, полюбит вас так, что вы уже не сможете остановить это или как-то переиграть.

– Подобных проблем не будет, – отрезала Мэри Энн. – Я хочу сказать – с моей стороны.

Клара взглянула на нее едва ли не с осуждением:

– Видите ли, предпочтительнее позволить действовать самой природе. Вам кажется, вы знаете, чего хотите, но важно понять, что все может обернуться не совсем так, как вам представляется.

Мэри Энн несколько не сомневалась, что, каким бы образом Джонатан ни ответил взаимностью на ее чувство, все одно – это будет чудесно. Она пожала плечами:

– Все равно я готова рискнуть.

Снова эта женщина смотрит на нее так, словно хочет предостеречь от какой-то беды... и понимает, что клиентка глуха к ее предостережениям. Вот она надела очки, открыла записную книжку и сделала в ней огрызком карандаша пометку. Какая она стройная для своего возраста, и спина у нее совсем не сутулая. Вот Клара решительно выдохнула и перевернула страницу книжки.

– Так вы сможете его приготовить? – спросила Мэри Энн.

– Конечно.

Засвистел чайник, и вскоре перед Камерон оказалась чашка варева, пахнущего мокрой газетой.

– Крапивный чай, – пояснила она. – Чтобы гуще росли волосы.

Мэри Энн представила кузину с локонами, как у Рапунцель, впрочем, Камерон и сейчас была недалеко от этого.

Пока Клара смешивала всевозможные компоненты, растирала, фильтровала, разбавляла, в Мэри Энн проснулась журналистка. Что за состав у этого любовного снадобья? Единственный из компонентов, который она успела разглядеть, был кусочек шоколада. Поймав ее любопытный взгляд, Клара сказала:

– Натуральный, горький, черный. Попробуйте.

Мэри Энн с опаской взяла в рот кусочек. Шоколад был необыкновенно вкусный.

– Оно ведь не навредит ему? – спросила она. – Любовное снадобье?

Камерон положила голову на ладони и покачала ею. Клара только посмотрела.

– А теперь записывайте, – велела она. – Листок можете вырвать из блокнота. Только чистый.

Мэри Энн сделала как было сказано, взяла сточенный почти до основания карандаш.

– Вот что нужно сделать, чтобы привести средство в действие, – рассказывала Клара, помешивая жидкость, которая постепенно превращалось в прозрачный раствор. – Вы должны трижды сделать добро, и каждый раз человеку, которого не любите, к которому испытываете стойкую неприязнь. Это может быть один и тот же человек, или двое, или трое. Распределите, как вам угодно. Главное – чтобы человек был вам неприятен, даже отвратителен.

В голову Мэри Энн мгновенно пришел Грэхем Корбет.

– Вы должны дать одному из этих людей что-то для вас очень ценное. Должны поговорить с антипатичной вам личностью по-доброму. И наконец, должны тайно сделать такому человеку приятное.

– Значит, это может быть один и тот же человек?

– А, вы уже подумали о ком-то? – спросила Клара. – Люди обычно сразу находят нужную особу.

– Да, – призналась Мэри Энн и, закончив записывать инструкцию, перечитала текст Кларе вслух.

– Все правильно. – Клара отошла от раковины, закрутила крышечку на флаконе с кристалльно прозрачной жидкостью и протянула его Мэри Энн. – Влейте это ему в любое питье. Он не почувствует никакого привкуса.

– А разве вам не нужен мой волос или еще что-нибудь такое? – неуверенно спросила Мэри Энн, решив оставить попытки прояснить вопрос, не причинит ли состав вред Джонатану.

Акушерка бросила на нее испепеляющий взгляд.

– Нет, не нужен, – отрезала она. Но поскольку лицо Мэри Энн все еще выражало сильное сомнение, она, по-видимому, сжалась над ней и пояснила: – Ваша сущность уже здесь. Поверьте.

Мэри Энн вырвала листок из блокнота.

– Сколько я вам должна?

Если окажется, что это дорого, Камерон не жить!

– Двадцать пять долларов.

Дешевле, чем тональный крем. Мэри Энн живо выложила наличные. Клара посмотрела ей прямо в глаза:

– Да, и еще одно, очень важное.

– Что?

– Смотрите, чтобы снадобье выпил именно тот, кто надо.

Камерон и Мэри Энн дружно засмеялись.

– Ошибки не будет, – ответила Мэри Энн.

Глава 2

Итак – ценный предмет, ласковое слово, тайное благодеяние. И самый вероятный кандидат на получение всех этих трех даров – Грэхем Корбет.

– Жуткий тип, – удовлетворенно бормотала Мэри Энн, выезжая из Миртовой Балки.

На то, чтобы выполнить все три задания, у нее было сорок восемь часов. А потом она выльет снадобье в питье Джонатану на праздновании его помолвки. И станет наблюдать, как претворяется в жизнь ее счастье.

Если не считать того, что, как всем известно, любовные снадобья не действуют, не *могут* действовать.

Сидевшая рядом Камерон объявила:

– Я доеду с тобой до бабули, а потом пойду домой пешком.

Три мили – ничто для Камерон!

– Может, лучше я все-таки тебя довезу? – предложила Мэри Энн.

– Нет, мне нужно взять кое-какие книги...

Кроме Британской энциклопедии 1969 года выпуска, почти все книги в бабушкином доме, где жила и Мэри Энн, были любовными романами, изданными не позднее пятидесятих годов. Упоминания о сексе в них полностью отсутствовали. Мэри Энн подозревала, что о сексе писали и до пятидесятих годов, но бабушка таких книг не держала. В бабулиных книжках героини были сплошь жизнерадостные девственницы, непьющие, некурящие, не позволяющие себе поцелуев на свидании, не только ради собственного блага, но и чтобы не подавать дурной пример своим джентльменам. Американские героини и герои были к тому же пламенными патриотами и большими аккуратистами. О сексе вообще никто не заикался. А все бабушкины исторические романы принадлежали перу Барбары Картленд. Даже Джейн Остин бабушка не признавала. Видимо, потому, что, как подозревала Мэри Энн, в ее романе прямо сказано: Лидия Беннет живет во грехе с безнравственным Викхемом, пока Дарси не заставляет Викхема жениться на погибшем создании. А Камерон считала, что просто Фицвильям Дарси возбуждал в бабушке подавленную, загнанную в подсознание сексуальность. Камерон утверждала, что «Гордость и предубеждение» вообще очень сексуальная книга.

Тем не менее обе кузины разделяли пристрастие бабули к абсолютно нереалистичным любовным историям. Камерон утверждала, что сама она, читая их, анализирует проблемы угнетенных женщин, из которых проистекают все беды ее нынешних клиенток. Ведь семена были посеяны еще прежними поколениями. А Мэри Энн нравились невероятные сюжеты книг.

– Я только что закончила «Звезды в твоих глазах», – поделилась она.

– Это о чем? – нахмурилась Камерон.

– Одна девушка едет в Мексику, чтобы заботиться о дочери брата, и у нее спускается шина. Какой-то оборванец направляет ее к механику в ближайший бар, а там странный тип заговаривает с ней, как со старой знакомой. Он обнимает ее и шепчет: «Меня зовут Дрек. Здесь опасно».

– А девица сразу в него влюбляется, – припомнила Камерон. – Потом продажный полицейский под дулом пистолета заставляет их зарегистрировать брак, а оборванец оказывается мировым судьей, – смаковала она с удовольствием. – Герой убеждает ее притвориться мужем и женой...

– Не вступая, однако, в брачные отношения...

– Чтобы из патриотических побуждений заняться шпионажем. Да, ее-то я и возьму. Ты думаешь, это из-за бабули мы такие странные? Я в основном имею в виду наших мам.

Озвученная тема не слишком интересовала Мэри Энн. Родители ее жили во Флориде, а она в Западной Вирджинии. Другой континент подошел бы еще лучше, но нельзя же иметь все.

– Ты и правда думаешь, что любовное снадобье подействует? – спросила она. – Нет, я просто дура. Разве это возможно?

– Пол говорит, оно действует. Так, что жутко делается.

– Тем, кто боится брачных уз.

– Не все так просто, Мэри Энн. На такой работе, как моя, начинаешь думать, что романтика – чушь, браки недолговечны, а счастливая семейная жизнь – это если муж тебя не бьет. Но твои родители до сих пор вместе, и мои тоже.

– А ты хотела бы такого брака, как у моей матери? – спросила Мэри Энн.

– Нет, и как у моей тоже нет. Я только собиралась сказать... – Камерон вздохнула. – Я и сама не знаю, что собиралась сказать. Просто даже если снадобье и *не подействует*, продолжай верить, что для тебя все-таки возможно счастье с кем-то еще.

– Очень тоскливый совет. – Мэри Энн покачала головой. Ведь она влюблена не в какого-то расплывчатого *кого-то еще*! Ей нужен Джонатан Хейл! – Ты, кстати, тоже можешь верить. Что для тебя «возможно счастье с кем-то там еще».

– Для меня это не так важно. Я хочу усыновить ребенка. Я не из тех, для кого вопрос ставится следующим образом – только брак и ничего другого!

– А я из тех, значит?

Камерон подтвердила то, о чем и сама Мэри Энн в глубине души догадывалась:

– Да!

Мэри Энн задумалась о том, какой из ценностей она готова пожертвовать ради исполнения своего сердечного желания. Прежде всего – какими ценностями она вообще располагает? Есть стеганое одеяло, которое собственными руками сделала бабуля и подарила ей на окончание Колумбийского университета. Но ему ни за что не бывать в спальне Грэхема Корбета! Она мельком подумала об этом ужасном месте – у него там непременно свалено в кучу грязное белье и пахнет старыми кроссовками. Так, какими еще сокровищами она владеет?

– Ты всем этим собираешься осчастливить одного Грэхема Корбета? – спросила Камерон.

– Ну да! Терпеть его не могу.

– Вряд ли ты будешь именно это с ним обсуждать.

Мэри Энн услышала в ее голосе некоторую натянутость. *Она-то в самом деле его любит...*

Тут ее внезапно озарило.

– Кажется, я знаю, какое сделать ему добро!

Камерон молча слушала.

– Я устрою ему встречу с тобой!

– По-моему, я не его типа, – пробормотала Камерон нечто совсем ей несвойственное.

– Разве ты не хочешь с ним встретиться?

– Я хочу, чтобы *он сам* захотел со мной встретиться, – уточнила Камерон.

– Но он же такое ничтожество, дорогая моя! Ты не все еще знаешь. Он иногда говорит мне такие гадости!

– Я кое-что слышала, – уныло ответила Камерон. – Вообще-то это называется флирт.

– Вот уж нет! – воскликнула Мэри Энн. – Но если ты правда хочешь, я готова сделать для него то, чего он вовсе не заслуживает, – одарить его таким великолепным сокровищем, как ты.

– Хорошо. – Камерон пожала плечами, словно заранее зная, что Грэхем откажется.

Перебрав наличествующие ценности, Мэри Энн решила пожертвовать Пушистиком. Конечно, просто смешно в тридцать четыре года так привязаться к игрушечному кролику с пластмассовыми зубами. Ей подарил его на двадцатипятилетие приятель по колледжу. Позднее Мэри Энн узнала, что игрушка как-то связана с фильмом про Монти Пайтона. Ее приятель обожал Монти Пайтона, но Мэри Энн, хотя никогда и не смотрела этот фильм, все равно

находила его глупым. Тем не менее она просто влюбилась в Пушистика, которого приятель прозвал «твой зайчоночек».

Итак, пусть это будет Пушистик. Мэри Энн решила подбросить его Грэхему тайком. Он-то наверняка любит Монти Пайтона. Она расстанется с любимой игрушкой в надежде добиться любви Джонатана.

Найти для Грэхема пару ласковых слов, в общем, тоже не составит труда. Она подавит отвращение и, так и быть, похвалит его за совет девушке с женихом-кретином. А потом она устроит ему встречу с Камерон. И что только ее кузина нашла в этом человеке?

На следующее утро в девять часов Грэхем Корбет остановил машину у муниципального радио. На сегодня он планировал поработать над книгой по проблемам самосовершенствования, своей первой книгой. Уже был заключен договор с крупным издательством. Поскольку радио шоу Грэхема Корбета транслировалось на всю страну, а несколько телевизионных программ с его участием прошли по центральным каналам, лицо его и имя стали известны, и книга «Жизнь и любовь» имела шансы стать бестселлером.

Ирония заключалась в том, что его собственная личная жизнь отнюдь не цвела пышным цветом. Он хорошо сознавал причину. Смерть Брионии оставила в его душе глубокий отпечаток. Это было даже не горе – с горем он справился. Но пережитые эмоции оказали на его жизнь разрушительное воздействие. После такого очень нелегко снова связать себя с женщиной.

Почему-то Мэри Энн уже, как ни странно, была в студии. По их разговору с Джонатаном Хейлом он понял, что она записывала свой новый очерк. Эти вещи здорово у нее получались. Жизнь Аппалачей в них казалась близкой и понятной и затрагивала за живое. Писать эта женщина умела, и голос у нее был подходящий для радио – выразительный альт.

Но что она нашла в Джонатане Хейле?

Когда Грэхем задержался у корзинки со своей корреспонденцией, он просто почувствовал исходящую от Мэри Энн волну страстного желания к Хейлу. Она, несомненно, в отчаянии сейчас из-за его помолвки.

Впрочем, какая ему разница?

Он удивленно уставился в корзинку с корреспонденцией. В ней сидел плюшевый белый кролик с виниловыми клыками. Это был Кролик-убийца из «Монти Пайтона и Священного Грааля», но не его, а чужой. Грэхем озадаченно взял кролика в руки и повернулся к Мэри Энн, Хейлу и другим сотрудникам.

– Чей это? Он лежал в моей корзинке.

– Значит, твой, – сказал Хейл. – Видимо, у тебя есть тайная поклонница. – Он очень похоже изобразил персонажа фильма.

Мэри Энн засмеялась, но даже в ее смехе прозвучало отчаяние.

Грэхем показал кролика ей:

– А вы об этом ничего не знаете?

Она покраснела, видимо, потому, что Хейл как раз положил ладонь ей на плечо со словами: «Великолепный очерк», и покачала головой.

Грэхем пожал плечами, сунул кролика под мышку и достал из корзинки почту. Не стоит обращать внимание на Мэри Энн, она явно его недолюбливает. Его беспокоило то, что она в какой-то степени его зацепила. Сейчас ему не до серьезных отношений. Встречаться время от времени – еще куда ни шло. Но чтобы всерьез...

Ему до сих пор было стыдно за то, что произошло после смерти Брионии. Он запил, забросил работу, искал забвения со случайными женщинами – словом, разрушал свою жизнь. Непреднамеренно, но успешно. Однажды утром он очнулся в тяжелом похмелье на университетском стадионе, голый, со сломанной лодыжкой, ни дать ни взять персонаж пьесы Теннесси Уильямса. И для чего ему нужны были эти оргии? Он так сильно любил ее? Даже после посеще-

ния в течение шести месяцев группы поддержки и многих часов консультаций с психотерапевтом он все-таки не был уверен. Он решил, что его накрыл шок от встречи со смертью. Только что человек был здесь, рядом – и вот его не стало. Через год после смерти Брионии умер отец, но это не подействовало на Грэхема и вполнину так сильно. Жизнь отца была праздником, и Грэхем не испытал потрясения, когда восьмидесятилетний старик, давно страдавший астмой, перестал дышать и освободился. Смерть Брионии была совсем другое дело. Юная девушка, спортсменка, полная жизненных сил и здоровья... и вдруг уходит. А он должен жить дальше отпущенный ему срок, постоянно задабривая смерть.

Во всяком случае, теперь его жизнь упорядочилась, и хотелось сохранить все то, что представляло сейчас для него главную ценность, – работу, тесный круг общения, привязанность к тому, что имело значение.

Джонатан Хейл ушел в свой кабинет, единственное на студии помещение с дверью – маленькую комнатку с видом на Страттон-стрит. А Мэри Энн сказала:

– Э-э... Грэхем, я хотела с вами поговорить.

Он приподнял брови. Мэри Энн никогда не заговаривала с ним первая. Может быть, именно это его подстрекало цепляться к ней? И конечно, еще слепое обожание, которое она расходовала впустую на Хейла.

Он подошел к ней. Как бы он ее ни дразнил, он вполне отдавал отчет в ее женской привлекательности. Высокая, крепкая, как амазонка, с прямыми шелковистыми волосами. С таким лицом она вполне могла стать моделью. Густые темные брови и ресницы, зеленые глаза, легкие веснушечки на коже медового оттенка. Да, он докучал ей по поводу ее ягодиц, но только потому, что знал, как она сама из-за них комплексовала. А ему, напротив, нравилось, что сзади она не была ровная, словно доска, как ее тощая кузина, – вот кто действительно кожа да кости.

– Я хотела отдать вам должное по поводу вчерашней передачи, – начала она, краснея под его взглядом. – Вы дали той девушке вполне верный совет. Очень многие женщины нуждаются в таком совете.

– Спасибо, – произнес Грэхем. Просто небывалый случай. И довольно непонятно, что из этого следует.

– И еще я хотела сделать вам... попросить вас... – Она замаялась и замолчала.

– Что вы все-таки хотели? – спросил Грэхем.

– Я хотела вам предложить встретиться с Камерон.

– С вашей кузиной? – уточнил он.

– Да. Она очень хорошая, она возглавляет Центр помощи женщинам – вы о нем слышали, конечно. Она тоже немного консультирует. Я подумала, что вам будет интересно друг с другом.

Все это было более чем странно, и Грэхем невольно почесал затылок.

– Вы думаете, сам я пригласить женщину на свидание не способен?

– Нет! – От нетерпения она даже, кажется, топнула ногой. – Я только подумала, что вы можете друг другу понравиться. И вместе пойти на вечеринку к Джонатану.

Ситуация становилась все более и более таинственной.

– Это она вас попросила?

– Конечно нет! Камерон не из таких. Она не добивается мужского внимания. У нее этого и так хватает. Но она считает вас симпатичным, и я подумала, что вы можете подойти друг другу.

– Камерон... – Он сощурился. – Как ее фамилия?

– Макалистер. Наши матери – родные сестры. А Камерон правда замечательная. Я знаю, что она вам понравится.

Очень странно, но Мэри Энн, судя по всему, хотела соединить его со своей кузиной так же страстно, как добиться внимания Хейла. Грэхем решил воздержаться от дальнейших «зачем?». Хочет он или не хочет встретиться с Камерон Макалистер?

Вообще-то он был осторожен с женщинами. Иногда ему с трудом удавалось отделаться от дам, с которыми он пару раз встречался. Одна или две потом даже навевались на радиостанцию, находили предлог пройти мимо его дома – а он жил не в Логане, а в Миддлбурге, неподалеку от дома бабушки Мэри Энн. Это доставляло неудобства. Он был известной фигурой. Радиопередачи и появление на телеэкране принесли ему популярность.

– Я вообще-то совсем ее не знаю, – попытался уклониться Грэхем. И вдруг, повинаясь импульсу, предложил: – У меня идея. Что, если нам с вами вместе пойти на вечеринку к Джонатану?

Мэри Энн словно задумалась над серьезной дилеммой. Он почти слышал, как она прокручивает в голове его предложение, и пожалел, что не может прочесть ее мысли.

– Я бы больше хотела... чтобы вы пригласили Камерон.

– А я больше хочу пригласить вас. Кроме того, – проговорил он тихо, не в силах удержаться, – подумайте о впечатлении, которое наше совместное появление произведет на Хейла. Вдруг он решит, что вы более ценный трофей, чем крошка Анджи? – Сам Грэхем в это, разумеется, не верил – Мэри Энн Дрю Хейла не интересовала, ее внимание просто-напросто тешило его раздутое самолюбие. Как было Грэхему не подразнить Мэри Энн, которая при его словах сильно покраснела? Он ждал, что она клянет и сейчас же ополчится на него. Но вместо этого девушка сказала:

– Ну, я даже не знаю... – Причем таким тоном, словно от ее решения зависело глобальное потепление или мир во всем мире. И добавила в каком-то отчаянии: – Я просто хотела сделать вам приятное.

– Тогда пойдемте со мной.

– Но вы мне не нравитесь, вы нравитесь Камерон, – не сдавалась она. – Почему вы не хотите пойти с ней?

Ее поведение решительно не находило объяснений. Грэхем отогнал прочь слегка уязвленное его «вы мне не нравитесь» и подытожил:

– Вы очень старались. Но, честно говоря, мне сейчас вспомнилось одно Рождество, когда я хотел горный велосипед «Бьянки», красный, с десятью скоростями, а нашел под елкой «Швинн» с пятью.

Девушка сдавленно выговорила нечто вроде «о-о-о». Вид у нее был совсем поникший. Тогда он сказал:

– Вот что, приводите Камерон на вечеринку. А там посмотрим. Я вообще-то никогда еще с ней не беседовал. Я только и знаю о ней, что она сломала запястье Карлу Мусгоу.

– Он хватал ее в баре! – возмутилась Мэри Энн. – И не только за руку. Сестра занималась боевыми искусствами и просто машинально среагировала так, как их учили. Это был тот самый случай, когда действуешь не раздумывая, как в фильмах про Брюса Ли.

– Я буду следить за руками, – пообещал Грэхем. Он консультировал клиенток, как устанавливать границы, и неоднократно имел дело с мужчинами, которые границ не признавали. – А вы сами как – тоже занимаетесь боевыми искусствами?

Она, ни слова не говоря, отвернулась, взяла сумочку и вышла из офиса. Грэхем с усмешкой проводил ее взглядом и переглянулся с Кроликом-убийцей, который тоже усмехался, скаля клыки.

Грэхем не дал ей возможности сделать ему приятное, и теперь Мэри Энн думала – достаточно ли будет одного благого намерения, чтобы заставить любовное снадобье заработать. Самым простым было бы действительно пойти с ним на вечеринку, но, поскольку он решительно не нравился Мэри Энн, разве это будет для него благодеянием? И еще, она не могла пойти с ним из-за Камерон – ведь Камерон он нравится, а Мэри Энн совсем не хотелось ее ранить.

Не желая слишком мучиться над проектом «приворотное зелье», но и не собираясь от него отказываться, она взяла подарочный купон на пиццу в «Пицца Хат», который выиграла еще на выпускном вечере в колледже, и опустила в корзинку Грэхема для почты. Теперь оставалось только осторожно расхаживать Камерон в ее увлечении Грэхемом, свести к минимуму возможность того, что Грэхем может увлечься ею самой, и быть наготове, чтобы подсушить любовное снадобье Джонатану.

– Как я выгляжу? – спросила она у Камерон вечером накануне празднования помолвки Джонатана. – Эти джинсы не слишком обтягивают мне зад?

– Он у тебя просто великолепный, – рассеянно ответила Камерон. Обладавшая фигуркой, которая, по убеждению Мэри Энн, являлась возжеленной мечтой всех мужчин, Камерон нисколько не была заинтересована обсуждать недостатки фигуры Мэри Энн. – И одета ты шикарно. Выглядишь просто как модель.

На Мэри Энн были расклешенные джинсы, футболка и любимая шляпа. Довершал наряд тоже любимый темно-зеленый вязаный кардиган с поясом.

А в сумочке лежал драгоценный флакон, купленный у Клары Курье.

Сегодня вечером *это должно быть сделано*.

В свою очередь, подойдя к зеркалу, Камерон пробормотала:

– Джонатан попросил Пола поиграть у него на празднике, но я ему не велела, потому что, если он придет, мне придется притворяться, что мы вместе.

Мэри Энн все никак не могла разобраться в тонкостях личной жизни кузины и сказала только:

– И он отказал Джонатану?

– Ну разумеется. Вообще-то это не входит в наш уговор, но он знает, как я ужасно хочу пойти куда-нибудь с Грэхемом. – Она помолчала. – Кроме того, он знал, что его сегодня же могут пригласить в другое место. Он сказал Джонатану, что занят, и его правда тут же пригласили снова. А я хорошо выгляжу? – сменила она тему.

Мэри Энн придирчиво оглядела кузину. Камерон в самом деле принарядилась. Она надела коричневое платье с открытой спиной и туфли на огромной платформе. Выглядела она, впрочем, очень сексуально и, можно сказать, классно.

– Ты просто загляденье, – одобрила Мэри Энн, чмокая ее в щеку. – Ему повезло, что ты идешь, но теперь сама увидишь, какой он на самом деле.

Камерон лукаво улыбнулась, показав надколотый передний зубик – единственный дефект в ее превосходной улыбке.

– Держись, Грэхем Корбет, вот и я!

Мэри Энн решила: если Грэхем Корбет начнет сегодня флиртовать с ней, а не с кузиной, она выльет коктейль ему на голову.

Праздник состоялся в танцевальном зале Посольского дома, который занимал целый этаж, аккурат над студией. Мэри Энн узнала, что хозяин позволил жениху и невесте воспользоваться залом бесплатно, в качестве подарка Джонатану за его работу на радио.

Перед тем как подняться наверх, Мэри Энн предложила:

– Хочешь заглянуть в дамскую комнату?

– Конечно.

Мэри Энн открыла стеклянную дверь студии. В кабинке звукозаписи сидели двое ребят и переписывали музыкальную программу. Мэри Энн махнула им, и они с Камерон проследовали мимо столов с компьютерами в бытовые помещения.

– Там Пушистик!

– Ну да. – Мэри Энн даже не взглянула на стол, который Грэхем считал своим, и на восседавшего на нем белого кролика. – Не будем об этом.

Камерон конечно же была посвящена в усилия Мэри Энн, направленные на активацию снадобья.

Кроме подробностей неудачного разговора с Грэхемом. Она просто сказала кухне, что купон на пищу показался более простым вариантом.

– Если бы ты его так сильно не ненавидела, я бы решила, что он тебе нравится, – вздохнула Камерон.

– Ха-ха, – ответила без тени веселья Мэри Энн, заходя в дамскую комнату. Там в одиночестве, подавшись вперед перед раковиной и привстав на цыпочки на высоченных шпильках, мазала красной помадой свои пухлые губы Анджи Уокман.

– Ой, привет. Вы ведь Мэри Энн, да?

Помимо невозможно изящной фигурки, за которую и умереть не жалко, Анджи обладала еще и роскошными волосами – необычайно густыми, кудрявыми и к тому же натурального платинового оттенка. А брови и ресницы у нее, наоборот, были до странности темными. К сожалению, она зачесывала волосы назад и скалывала их заколками, что свидетельствовало о полном отсутствии у нее воображения. На ней было платье из синтетики – белое, с пестреньким узором из осенних листьев – и белые туфли. Та часть Мэри Энн, которую девушка определяла в себе как мелочную и завистливо-ревнивую, подумала: «Привет, уже октябрь на дворе! Кто же носит в октябре белые туфли?»

Но если у Анджи и были проблемы со вкусом, это явно никак не влияло на чувства Джонатана Хейла. С дрогнувшим сердцем Мэри Энн заметила на безымянном пальце ее маленькой ручки довольно большой бриллиант.

Она протянула руку:

– Да. А вы Анджи. Очень приятно. А это Камерон Макалистер.

– Мне так нравится слушать по радио ваши очерки! – воскликнула Анджи вполне искренне. – Если бы я умела писать так, как вы! Я слушаю вас каждую неделю. Мне особенно понравился рассказ о Гражданской войне – как два брата оказались на двух разных полюсах конфликта.

– Спасибо... – Мэри Энн испытала смешанные чувства. С одной стороны, слова Анджи доставили ей удовольствие. Но ведь она-то сама замыслила украсть у нее жениха! Похоже, Анджи довольно приятная девушка, одна из тех нежных, утонченных натур, которые изредка рождаются в горах Западной Вирджинии. Мэри Энн ощутила приступ стыда и вспомнила предупреждение Клары Курье. Что с ней будет, когда Джонатан бросит ее ради Мэри Энн? Что, если она не сможет пережить измену жениха?..

А Анджи между тем повернулась к Камерон:

– Все в таком восторге от вашей работы в женском центре! Моя подруга Ронда говорит, что вы для всех этих женщин – все равно что добрый ангел. – Эти сказанные немного в нос слова стали кульминацией ее очарования.

Камерон вежливо улыбнулась. Когда невеста Джонатана, извинившись, вернулась в зал, Камерон выразительно посмотрела на Мэри Энн.

– Знаю, она милая и славная.

– Может быть. Вот только я никакой не ангел, – ответила Камерон.

Джонатан пил каберне «Фрогс Лип». Мэри Энн отметила это, когда подошла к нему с бокалом своего мерло. Она сумела сказать ему, что находит Анджи очень милой, и спросила его мнение о теме задуманного ею очерка для передачи на будущей неделе – к примеру, осенние праздники. А потом принялась смотреть на уровень вина в его бокале и молиться о том, чтобы представился удобный случай.

Джонатан тем временем рассеянно беседовал с одной из ведущих музыкальной программы, которая собиралась стать подружкой невесты. Звали ее Элинор Свифт. Джонатан говорил:

– Какого цвета ты наденешь платье – это уж вы решайте с Анджи. Мне решительно все равно.

– Но ведь ты можешь вмешаться! Потому что – оранжевое! Представь, я – и в оранжевом!

У Элинор была медового оттенка кожа, которая чудесно сочеталась бы с любым цветом. Джонатан отыскал взглядом Грэхема и окликнул его:

– Грэхем, будь добр, объясни Элинор, почему с моей стороны было бы ошибкой даже пытаться выбирать цвет для платьев подружек невесты.

Мэри Энн смотрела, как Грэхем и Камерон вместе подходят к ним. Камерон сказала:

– Я просто уверена, что Анджи должна знать, что ты думаешь об оранжевом платье, Элинор. Если бы это была моя свадьба, я бы хотела знать.

Мэри Энн встретила глазами с Камерон и поняла, что та готова была добавить: «Я бы не заставила тебя его надеть».

Грэхем произнес:

– По-моему, этикет предписывает в этот день выполнять все капризы невесты.

– Но зачем настаивать на цвете, который явно не нравится подружкам невесты? – спросила Мэри Энн. – Просто скажите Анджи, как вы на это смотрите, Элинор, хотя, по-моему, вам любой цвет к лицу.

– Вопрос вообще-то в том, стоит ли именно мне в это дело вмешиваться. Ведь ясно, что не стоит, – настаивал Джонатан.

– Яснее ясного, – поддержал его Грэхем.

Мэри Энн захотелось крикнуть, что невеста должна выбирать платья таких цветов, в которых ее подружки будут хорошо выглядеть. И вообще – где это слыхано, чтобы наряжать подружек невесты в оранжевое?

– Почему вы считаете себя непогрешимым экспертом по свадебным церемониям?

– Он наш признанный эксперт по интимным отношениям, – заметил Джонатан.

– Он же *мужчина*, – закатила глаза Мэри Энн.

– А что не так с мужчинами? – удивился Грэхем.

– Просто их точка зрения несколько однобокая, только и всего.

У Джонатана вдруг заблестели глаза, словно эта фраза навела его на интересную мысль.

– Я сейчас подумал... – Он взглянул на свой почти опустевший бокал.

Мэри Энн была начеку, и едва он допил последний глоток, она махом осушила свой, почти полный, и игриво выхватила бокал Джонатана из его руки.

– Еще вина будущему супругу?

Он бросил на нее рассеянный взгляд:

– А, спасибо, Мэри Энн. Когда ты вернешься...

Она уже удалялась, оставив собеседников позади. Вот и долгожданный случай! Она отнесла оба бокала на стол с закусками, в этот момент находившийся без присмотра, нашла бутылку каберне и аккуратно налила вино в бокал, одновременно зажимая в ладони открытый пузырек со снадобьем и выливая его содержимое вместе с вином.

Это не может сработать... но чем черт не шутит?

Слегка сдвинув брови, Мэри Энн отыскала глазами Анджи. Невеста была далека от того, чтобы цепляться за руку жениха – она разговаривала с Максом Гарольдом, смотрителем Посольского дома. В молодости Макс работал на шахтах и мог говорить об этом часами. Старичок, надо отдать ему должное, умел увлекательно рассказывать, да и Анджи была внимательным слушателем.

И Мэри Энн сказала себе, что в ее поступке нет ничего плохого. На войне и в любви все средства хороши. Она налила себе мерло и сделала несколько глотков, чтобы успокоить нервы.

– Вот спасибо, Мэри Энн.

Мускулистая рука выхватила у нее бокал Джонатана. Мэри Энн вцепилась в его ножку.

– Нет, это для...

Никак нельзя было выпускать бокал из рук! Но, к ее ужасу, произошло непоправимое: ножка отломилась и осталась в ее руке. Грэхем Корбет перевел удивленный взгляд на чашу бокала, которую держал в своей. Мэри Энн попыталась отнять у него верхнюю часть бокала, но он уже поднес чашу к губам и выпил вино до дна.

Мэри Энн перестала дышать. Открыв рот, задыхаясь, она все еще машинально хватала рукой воздух... Поздно!

– Замечательно, – проговорил Грэхем и пристально взглянул на нее.

С губ Мэри Энн едва не сорвалось ругательство. Она никак не могла вздохнуть. Все перед глазами поплыло, голова закружилась. Но бокал, предназначавшийся Джонатану, был пуст.

Глава 3

Мэри Энн покачнулась, и Грэхем поддержал ее. От нее пахло женским телом, естественно и сексуально. Он увидел вблизи россыпь веснушек у нее на носу, накрашенные ресницы, пухлые губы.

– Вам плохо? – спросил он.

Мэри Энн опустила на складной стульчик у стола.

– Нет. Нет.

– Что случилось? – Возле них оказался Джонатан Хейл и озабоченно уставился на Мэри Энн.

И Грэхем снова увидел на лице девушки мгновенно промелькнувшее выражение ужаса. Она с трудом встала.

– Ничего не случилось. Все в порядке. Просто немного закружилась голова.

– Ты, наверное, сидишь на диете, – предположил Джонатан. – Если ты сегодня еще не обедала, сейчас самое время подкрепиться.

Грэхем отчего-то почувствовал раздражение:

– Она не собирается падать в обморок.

Ножка от бокала валялась на полу, и Джонатан поднял ее. Грэхем отдал ему верхнюю часть бокала и перевел взгляд на Мэри Энн. Она – полная энергии здоровая женщина, сильная, как чистокровная кобылица. Ее не сравнишь с нежной лилией или трепетной фиалкой или с чем там еще сравнивают южанок? Он не верил также, что у нее закружилась голова. *Может быть, она просто расстроена из-за помолвки Хейла с мисс Уокман?* Он посмотрел на Джонатана, который подавал ей воду.

– Спасибо. – Она с благодарностью приняла бутылочку, затем отвинтила крышку и молча уставилась на нее. Вид у девушки был подавленный. Джонатан положил ладонь ей на плечо, и она взглянула на него так, словно хотела сказать: «Какого черта ты меня теперь трогаешь?»

На самом деле Мэри Энн лихорадочно соображала – действительно ли она видела, как Грэхем Корбет выпил вино, которое она одобрила приворотным зельем? А если и так, в чем она в общем-то не сомневалась, то почему Джонатан вдруг внезапно заметил ее присутствие? Она прошептала:

– Мне... нужно домой.

– Ты не сможешь сейчас сесть за руль, – сказал Джонатан. – Посиди пока, съешь что-нибудь. Ты подверглась грубому обращению, бедняжка.

– Что? – не поверил своим ушам Грэхем.

– Ты дрался с ней из-за моего бокала, – набычился Джонатан.

– Я не знал, что он твой, и я не был с ней груб.

Но Джонатан не слушал его.

– Я налью себе другой, – мягко сообщил он Мэри Энн. – Спасибо за то, что ты хотела сделать мне приятное.

– Э-э... Камерон, – повернулся Грэхем к кухне Мэри Энн и сунул ей в руку ключи. – Моя машина стоит на стоянке у банка. Вы сможете пригнать ее к дому Мэри Энн? А я отвезу Мэри Энн на ее машине.

– Может, мы послушаем, чего хочет сама Мэри Энн? – спросил Джонатан, глядя в упор на Грэхема. Все трое – Джонатан, Грэхем и Камерон – уставились на Мэри Энн, чтобы узнать, что она хочет.

Она не знала, что сказать. Грэхем явно оказывал ей внимание на глазах у Камерон, которая конечно же видела, куда ветер дует. И Джонатан наконец-то заметил ее. Но он помолвлен! Все перепуталось, и Мэри Энн пожалела, что вообще ввязалась в эту колдовскую историю.

Она поднесла к губам бутылку с водой и жадно сделала несколько глотков. И вместе с водой к ней пришло ясное понимание. *От любовных снадобий нет никакого проку.*

Мэри Энн извинилась перед Джонатаном и его невестой и также перед Камерон, заручившись обещанием Грэхема, что он отвезет ее кухню домой, и вернулась в бабушкин дом около десяти, как раз когда бабулина экономка и компаньонка Люсиль собиралась погасить в спальне Жаклин Биллингем свет. Заставив себя временно отвлечься от катастрофы с любовным снадобьем (которое все равно бы не подействовало), Мэри Энн поспешила наверх, чтобы пожелать бабуле спокойной ночи.

Бабуля сидела, привалившись спиной к треугольной подушке, одетая в ночную рубашку из тонкого хлопка, напоминавшего Мэри Энн мягкую женскую кожу, которая с возрастом становится тоньше, не утрачивая гладкости и свежести. Как всегда, от бабушки хорошо пахло ее ночным кремом с запахом роз. На тумбочке рядом с четками и стаканом воды лежал роман Эмили Лоринг с кружевной закладкой. Мэри Энн поцеловала ее, и бабушка, седые волосы которой были распущены на ночь, спросила:

– Ты хорошо повеселилась, дорогая?

– Да, – жизнерадостно солгала Мэри Энн.

– Камерон приехала с тобой?

– Нет. Но ее довезут. – Мэри Энн старательно избегала упоминания о том, что Камерон, возможно, сейчас в какой-то степени с *мужчиной*. Она на самом деле понимала, что в этом общем-то нет необходимости. Но какой-то непроизвольный рефлекс заставлял ее по семейной традиции притворяться, что мир именно таков, каков он в любимых бабулиных любовных романах. Даже если иногда ей казалось, что притворство становится второй натурой...

Мэри Энн была мятежным подростком, и мать каждое лето отправляла ее на Север, в Логан, где Мэри Энн вместо того, чтобы исправляться под благотворным влиянием бабули, проводила все свободное время с Камерон и мальчишками, от которых матери обеих девочек приходили в ужас; впрочем, устраивая различные проказы, она обычно выходила сухой из воды.

Потом Мэри Энн поступила в Колумбийский университет, но каждое лето по-прежнему проводила в Логане. Повзрослев, она остепенилась, постепенно научилась принимать все то, чего раньше в своем семействе терпеть не могла: сделалась заядлым игроком в бридж, не отказывалась приготовить вкусное блюдо на церковный праздник и вовремя посылала поздравительные открытки.

Прошло уже пять лет с тех пор, как Мэри Энн приехала жить к бабушке. Недостатком этого совместного проживания была невозможность привести с собой на ночь мужчину или позволить бабушке узнать, что она сама провела ночь в доме мужчины. Бабушка решительно не хотела, чтобы мир был местом, где мужчины и женщины, не состоящие в браке, имеют интимные сношения. И Мэри Энн вполне заслужила «Оскара», притворяясь, что ей и в голову не придет спать с мужчиной, предварительно не вступив с ним в брак. А самое трудное в этом спектакле было то, что Мэри Энн просто не умела лгать бабушке.

За эти пять лет она ни разу не провела ночь с мужчиной. Она, конечно, изредка встречалась с мужчинами – на их территории, – а потом говорила, что ей надо домой, ссылаясь на необходимость сдать редакционный материал в срок. Ведь миру не терпится прочесть ее статью о садах Логана...

Однажды Камерон спросила:

– Господи, что же будет с бабулей, если ты решишь к кому-нибудь переехать? Я имею в виду, к мужчине.

– Я не собираюсь ни к кому переезжать, – ответила Мэри Энн. – И к тебе это тоже относится.

– Со мной все не так. Бабуля знает, что я уже жила с мужчиной.

И в самом деле. Бабушка тогда лишь сказала:

– Подумать только! – и добавила: – Милая, найди в моей корзинке нитки для этого узора – мои глаза совсем ничего не различают.

Мэри Энн предположить не могла, что произойдет, если и она, в свою очередь, подведет бабулю, повторив пример Камерон. У нее просто не хватит духу разочаровать старушку. Однако в обозримом будущем, по крайней мере, такой проблемы не предвидится, размышляла она ночью, лежа в своей кровати под балдахин и скучая по Пушистику.

Ведь приворотное зелье (от которого все равно не могло быть проку) выпил *другой мужчина*.

Грэхем Корбет растянулся на уютной, располагающей к безделью кушетке в хозяйской спальне у себя дома, положив ноги на искусно инкрустированный мозаикой столик, подаренный ему матерью. Элегантный двухэтажный белый особнячок с балконами, окруженный по периметру верандой, был великоват для одного человека. Тем не менее Грэхему в нем было хорошо.

Грэхем, как и Мэри Энн, жил в микрорайоне старинных особняков, именуемом Миддлбург. Чтобы попасть в него, следовало проехать по мосту на ту сторону реки. Миддлбург был очаровательным местечком. Сзади к дому вплотную подступали холмы, иногда делая природу ближе, чем хотелось бы. Так, например, был прошлым летом случай, когда Грэхем у себя под задним крыльцом обнаружил свернувшуюся в кольцо восьмифутовую черную мамбу! Грэхем не был любителем змей, как не приветствовал он и периодические вторжения грызунов. Он двинулся в сарай за лопатой, чтобы отсечь голову непрошеной гостье, и там, в ведре, увидел медянку. Он ретировался в дом, чтобы налить себе виски, а когда вернулся на крыльцо, черной змеи уже не было. Опрокинув стакан виски, он стал думать, как быть с медянкой. Прежде всего надо бы закрыть ведро сверху, чтобы змея не сумела выползти, а потом предстояло или убить ее, или как-то от нее избавиться. Но как?

Он допивал второй стакан, когда сосед, Дэвид Курье, заглянул к нему, чтобы пригласить на заседание комитета, где собирались обсуждать городскую программу здравоохранения. Курье, в прошлом акушер, теперешний член городского совета, стал ему добрым приятелем.

Грэхем сказал ему о медянке. Дэвид сходил домой за дробовиком, вернулся и убил змею. К изумлению Грэхема, сперва он вытряхнул змею из ведра, объяснив, что не желает портить вещь.

Двое других соседей, привлеченные звуком выстрела, вышли из домов взглянуть, что происходит. Один из них рассказал Грэхему про ребенка, который собирал в баночку змеенышей медянки, решив, что это черви. Потом он понес баночку домой, закрывая ее ручкой сверху, и, конечно, они успели его несколько раз укусить, и малыш умер от яда. Тот же сосед поведал, что потом полицейский положил банку со змеенышами к себе в багажник, чтобы истребить их инсектицидами. Дэвид Курье посчитал эту историю небылицей, но Грэхему потом несколько недель сряду снилось, как он находит медянок у себя автомобиле, в постели, в ванной, в подполе – везде. Женщина, ведущая на радио передачу об астрологии, сказала, что увидеть во сне змею – к переменам в жизни, связанным с первобытными потребностями сознания. Джонатан Хейл возразил, отметив, что змея снится только к сексу. Астролог же ответила: «Ну а я разве не об этом же говорю?»

Грэхем полагал, что сны просто-напросто связаны с инстинктивной боязнью еще раз увидеть у себя на крыльце под ногами свернувшуюся смертоносную змею.

Хейл... С чего это директор радиостанции вчера вдруг так расчувствовался по поводу Мэри Энн? Разве он не собственную помолвку отмечал?

Хватит уже думать про эту женщину. Откуда это странное наваждение? Да, он всегда находил ее привлекательной и любил подразнить ее, отчасти потому, что она обожала Джонатана Хейла и благоговела перед его рассказами о командировках в Руанду и Афганистан. Но Грэхем совсем не был уверен, что хочет сблизиться с ней, кроме того, Мэри Энн четко дала понять, что не желает иметь с ним ничего общего.

До того непонятного разговора, когда она пыталась заинтересовать его Камерон.

Камерон... Она ничего не значила для Грэхема. Да, хорошенькая, если кому-то нравится этот тип. Но он находил ее слишком жесткой, холодной. Гораздо больше его интересовала ее кузина.

Странно, но при первой их встрече пять лет назад она ему не понравилась. Прежний директор радиостанции представил ей Грэхема как «психолога, который ведет передачи, посвященные проблемам личных отношений». Сформулировано было не так впечатляюще, как это сделал бы Джонатан Хейл... и делал, когда сменил прежнего директора. Но зато так было по существу.

Новая сотрудница, только что прибывшая из Нью-Йорка, где писала о последних миланских модах или о чем-то в этом роде, сказала:

– У вас, как видно, богатый жизненный опыт. Приятно познакомиться, Грэхем, мне приходилось слушать ваши передачи.

Вполне безобидно. Но что она подразумевала под богатым жизненным опытом? Озадаченный, он перехватил ее несколько минут спустя, у кулера с питьевой с водой, и спросил, что имелось в виду. И тут она sluкавила:

– Я хотела сказать, что все мы строим свою работу на пережитом опыте. Только и всего, – и, быстро отвернувшись, ускользнула.

Он решил, что она повела себя недостойно: когда ей предложили объясниться, сделала вид, что не сказала ничего особенного. Но подтекст ее слов не был плодом его воображения, потому что неделю спустя она представила его какой-то женщине как «холостяка-гуру, специалиста по женскому счастью».

Холостяк-гуру.

Информация была неточной и неполной.

Грэхем Корбет был вдовцом.

Наутро Мэри Энн проснулась, разбуженная телефонным звонком. Посмотрела время на будильнике – половина десятого – и рывком схватила трубку. Как это она разоспалась?

– Алло?

– Мэри Энн? Это Джонатан.

Ее сердце гулко застучало.

– Ох, привет, – проговорила она, шурясь от заливавшего комнату солнца.

– Я только хотел справиться о твоем самочувствии. Ты вчера нормально добралась до дома?

– Э-э... конечно. Спасибо. Мне очень приятно, что ты позвонил. Со мной все было в порядке. И сейчас все в порядке, – добавила она.

– И прекрасно, – откликнулся он. – И прекрасно.

Он явно нервничал, как и сама Мэри Энн.

– Я еще хотел кое о чем спросить. Я посоветовался вчера с Грэхемом, и он согласен.

Мэри Энн охватило тревожное предчувствие.

– Я помню, что ты сказала об одностороннем взгляде на отношения между мужчиной и женщиной. И я предложил, чтобы ты поучаствовала в качестве гостя в его передаче. Если хорошо пойдет, можно будет сделать тебя постоянной ведущей.

Мэри Энн заморгала. Участвовать в ужасном, вульгарном ток-шоу Грэхема Корбета?

Это означает, прежде всего, сделаться публичной фигурой. Для нее это что-то новенькое. Но она не станет *знаменитостью*, и это не будет слишком отличаться от ее еженедельных очерков...

Но это и нечто другое по сравнению с безвестностью журналистики. Журналистике несвойственно выпячивание своего «я». Впрочем, она никогда не связывала себя с публичным и частным имиджем отца, и такой, как он, она уж явно никогда не станет.

– Едва ли у меня хватит квалификации, – пробормотала она.

– Ты обаятельная женщина. И у тебя конечно же есть личная жизнь, – перечеркнул ее сомнения Джонатан.

Ты обаятельная женщина. Если бы только не было ощущения, что этой похвалой он хочет чего-то от нее добиться...

– Да, конечно, – подтвердила она. Личная жизнь конечно же имела место. Но только не в последнее время. В последнее время ей не к кому было ходить на свидания.

– Ты прекрасно справишься, – настаивал Джонатан. – Ты станешь давать слушателям грандиозные советы.

Например – как украсть чужого жениха с помощью приворотного зелья?

Мэри Энн вспомнила о том, что совершила накануне, – воспоминание было убийственным! В каком-то смысле даже хорошо, что снадобье выпил Грэхем Корбет. Ведь оно все равно не подействует, и запросто можно будет представить, что она вовсе даже не пыталась соблазнить им питье Джонатана.

– Мне все-таки хотелось бы подумать, – выдавила она.

– Я сегодня весь день буду на студии, накопилось много бумажной работы. Если решишь обсудить мое предложение, заглядывай. Или просто так заходи.

Мэри Энн закрыла глаза. Это совсем ничего не значит! Это только дружеский разговор.

– Я... может быть, зайду.

– Хорошо, буду ждать. Сходим вместе выпить кофе.

– Я сказала, что «может быть», – уточнила она.

– Тогда я буду надеяться, – ответил он.

Мэри Энн повесила трубку и с сильно бьющимся сердцем прокрутила в памяти разговор. *Заглядывай, чтобы обсудить, или просто так!*

Это имеет какой-то подтекст? Неужели она наконец-то его заинтересовала? Но в любом случае Джонатан помолвлен с другой... Он же не для того позвонил, чтобы сообщить о разрыве помолвки, потому что понял вдруг, что не хочет жениться на Анджи Уокман. Он только сказал, что весь день будет в студии. А в воскресенье обычно на студии безлюдно, транслируются только записанные программы...

Нет, не надо глупить. На студию и в воскресенье то и дело заглядывают люди.

Что, если она в самом деле зайдет на студию под каким-нибудь предлогом? Неужели он и в самом деле ждет ее? Мэри Энн никак не могла решить – плохо это или хорошо?

Она набрала номер Камерон.

– Приворотное зелье выпил Грэхем!

У Камерон упало сердце. Она не очень-то верила, что любовное снадобье подействует. И все равно то, что его выпил Грэхем Корбет, означало, что рано или поздно они с Мэри Энн будут вместе.

В любом случае она, Камерон, нисколько его не заинтересовала. Иначе она бы непременно почувствовала. Ею интересовались многие мужчины... Но прошлым вечером, когда Грэхем подвозил ее домой, мысли его витали где-то очень далеко.

Камерон жила в старом доме, принадлежащем управлению шахты, стоявшем на краю Джонова ущелья. Едва она выбралась из автомобиля Грэхема, как ее бросились приветствовать

собаки. Вульф – громадный, черный, дикий, с примесью волчьей крови, он прибил к шахтам и полюбился местным жителям, стал почти ручным, и его дочь Марайя, собственная собака Камерон. Камерон покосилась на сидевшего в машине Грэхема, но он и не думал выключать двигатель. Безнадёжно!

– Я не думаю, чтобы он в нем нуждался, – вздохнула Мэри Энн.

– Нуждался в чем?

– В приворотном зелье. Я думаю, он и так уже на тебя давно запал.

– Но я-то на него нисколько не запала. Что было, когда он довез тебя до дома?

– Совсем ничего.

– Ну, так и забудь о нем, – уверенно подвела черту Мэри Энн. – А мне сейчас звонил Джонатан.

Камерон выслушала пересказ разговора и проговорила задумчиво:

– Но ведь он не пил снадобья. Может быть, это и есть то, о чем говорила Клара, – зелье иногда действует не так, как мы предполагаем?

– Она еще предупредила – смотрите, чтобы снадобье выпил тот, кто надо!

– Если я снова поеду к ней, – протянула заинтересованная Камерон, – то обязательно спрошу, как еще действуют эти снадобья? – «Может быть, у нее найдется что-то и для меня, чтобы преодолеть эту глупую влюбленность в мужчину, которому нравится моя сестра?» – А ты согласишься вести эту передачу вместе с Грэхемом?

– Не знаю. Пока думаю.

Камерон вспомнила кое-что, о чем хотела спросить еще вчера.

– Ты сможешь помочь мне в следующие выходные? Мы с женщинами из Центра помощи идем в поход.

– Только если не придется лезть в пещеру!

Камерон улыбнулась, вспомнив, как во время прошлого спуска в пещеры Мэри Энн, чья фигура не была предназначена для спелеологии, застряла в расщелине.

– На этот раз не понадобится. Но в ноябре мы исследуем пещеру Большого Джима, и мне очень хочется, чтобы ты пошла с нами. *В ней* ты точно не застрянешь.

– А на следующие выходные какая забава затевается?

– Изучение дикой флоры с местной травницей.

– Ладно.

– Хорошо. Мы еще это обсудим.

Местная травница была Клара Курье, и Камерон поймала себя на затаенной мысли: может быть, Клара избавит Грэхема от его влечения к Мэри Энн? Она поморгала и грустно вздохнула. Любовные снадобья, так же как все эти концовки «они жили долго и счастливо», существуют только в бабулиных книжках.

Глава 4

Октябрьские праздники... Октябрьские праздники... Октябрьские праздники...

Мэри Энн никак не могла сосредоточиться на теме своего последнего очерка. Был уже понедельник, а она выходила в эфир во вторник днем, в три пятьдесят. Как раз перед передачей «Все, что для нас важно».

Она сидела в бабулиной гостиной и играла в бридж с бабулей и Моррисами, жившими в соседнем доме. Она пыталась сконцентрироваться на игре, но все время помнила о своем недописанном очерке, где не было ни воодушевления, ни изюминки, ничего!

Бабушка была сегодня в черных широких брюках и белой блузке. Седые волосы длинной до плеч были перехвачены сзади черной бархатной заколкой-бантом. В ушах красовались золотые серьги кольцами. По образованию бабушка была юристом и до того, как вышла замуж за дедушку, работала в крупной юридической фирме. Она была важной персоной.

Мэри Энн с тоской думала о том, как безответная любовь заставила ее подлить в питье любимому приворотное зелье, а это питье выхватил у нее и выпил мужчина ей глубоко антипатичный. И ее очень беспокоил факт, что она решилась на такую глупость, на такое ребячество...

– Ну вот и все, – сказала бабуля.

Игроки подвели итоги, обменялись улыбками. Они с бабулей выиграли. Мистер Моррис собрал карточный столик, а миссис Моррис еще раз похвалила лимонный торт, испеченный Люсиль. Наконец супруги удалились, и Мэри Энн обратилась к бабушке:

– Пойду поработаю над очерком. А то я все откладывала.

– А тема какая?

– Осенние праздники, – вздохнула Мэри Энн. – Но наверное, я ее поменяю, а то она меня что-то не вдохновляет.

– Загляни в мой календарь, вспомни, что еще было в этом месяце. – Бабушка взяла со столика маленький календарь с фотографиями Логана, медленно перелистала его до октября, взглянула и передала внучке, а та принялась изучать памятные исторические даты. Оказалось, что сегодня – сотая годовщина первых в Логане родов в больнице. Мэри Энн вспомнила о Кларе Курье, которая принимает роды на дому. Кажется, ее муж, Дэвид Курье, акушер или был им в прошлом...

Мэри Энн сама не понимала, чем ее так привлекает семейство Курье. Разве что она хотела исправить первое впечатление о себе, как об обычной покупательнице любовного зелья. Ей хотелось, чтобы они воспринимали ее как здравомыслящую женщину, которая попробовала применить снадобье только шутки ради, как невинную забаву.

Можно, конечно, избегать их, прятаться за чужие спины, проходя мимо дома Дэвида Курье, и делать вид, что вообще ничего не было.

Но Мэри Энн намеревалась восстановить свою репутацию и начать предполагала с того места, где ее погубила.

– Бабуля, ты гений! – вскричала она. – Тут у нас сто лет с первых больничных родов, и я буду писать о родовспоможении в Логане и окрестностях. – Она пытливо взглянула на бабушку. – Вот ты, например, родилась в больнице?

– Ну да, – ответила бабуля. – Кстати, мне твоя идея нравится. – Она подставила щеку, и Мэри Энн поцеловала мягкую кожу, вдохнув знакомый запах крема. – Милая моя девочка, – пробормотала бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.